

История понятий и история России Средневековья и раннего Нового времени: методологические перспективы

А. И. Филюшкин

Для цитирования: Филюшкин А. И. История понятий и история России Средневековья и раннего Нового времени: методологические перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 2. С. 494–507. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.213>

В статье рассматриваются методологические аспекты применения понятий к русской истории позднего Средневековья и раннего Нового времени. Исторические понятия одновременно являются продуктом социальной действительности (социального опыта), ее осмысливанием/интерпретацией (отраженным в дискурсивной практике) и фактором, который эту реальность формирует. Именно в этой универсальности кроются эвристические возможности данной методики. Россия вырабатывала свои исторические понятия, однако их семантика декодируется с трудом. Европейских аналогов нередко нет. Попытки вывести истоки русских политических понятий из наследия Византии носят в основном гипотетический характер. Русская средневековая культура носила недекларативный, «молчаливый» характер. Многие сюжеты понимались интуитивно, не нуждались в письменных многословных объяснениях. Следующей методологической проблемой является презентизм. Категориально-понятийный аппарат допетровской эпохи в большинстве случаев нуждается в переводе на современный научный язык. Но при переводе происходит неизбежное «присвоение смысла», причем оно осуществляется на основе современных понятий. Исторические понятия Московской Руси нужно выводить из нее самой, а их рефлексия в Новое время — это история различий, но не континуитета. В этом специфика методологии предполагаемого исследования. Дискуссионной проблемой является хронологический рубеж. Р. Козеллек для Европы обозначает его как 1750–1850 гг., но для России этот рубеж — несомненно, эпоха Петра I (1682–1725). Между русскими XVI–XVII и XVIII–XIX вв. очевиден тектонический сдвиг, пресловутый «временной разрыв». Он проявился наиболее ярко именно в культуре, в языке, в исторических понятиях и был связан прежде всего с вестернизацией, а в XIX в. — с модернизацией. То есть процесс формирования российских исторических понятий имеет свою специфику и отличен от западноевропейского. При этом история русских ключевых понятий есть история европейская, и начинается она с XVIII в., с петровской культурной вестернизации, с формирования новой ин-

Александр Ильич Филюшкин — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0003-2456-7514>, a.filushkin@spbu.ru

Alexander I. Filyushkin — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0003-2456-7514>, a.filushkin@spbu.ru

Исследование выполнено по гранту РНФ № 24-28-00538 «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в раннее Новое время».

The study was supported by the Russian Science Foundation no. 24-28-00538: “Concepts and Categories in the Socio-Political Discourse of the States of Eastern Europe in the Early Modern Times”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

теллектуальной и социальной элиты, усваивавшей западноевропейскую культуру и все больше мыслящую в ее категориях.

Ключевые слова: история понятий, раннее Новое время, Московская Русь.

History of Concepts and Their Application to History of Russia in the Middle Ages and Early Modern Times: Methodological Perspectives

A. I. Filyushkin

For citation: Filyushkin A. I. History of Concepts and Their Application to History of Russia in the Middle Ages and Early Modern Times: Methodological Perspectives. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 2, pp. 494–507. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.213> (In Russian)

The article discusses the methodological aspects of the application of the history of concepts to Russian history of the late Middle Ages and the early New Time. Historical concepts are simultaneously a product of social reality, its comprehension/interpretation (reflected in discursive practice) and a factor that forms this reality. It is in this versatility of historical concepts that the heuristic capabilities of this technique lie. Russia developed its historical concepts, but their semantics are decoded with difficulty. There are often no European analogues. Attempts to derive the origins of Russian political concepts from the heritage of Byzantium are mainly a hypothetical character. The Russian medieval culture was of an inconsistent, “silent” character. Many plots were understood intuitively, did not need written verbose explanations. The next methodological problem is presentism. The categorical-factory apparatus of the pre-Petrine era in most cases needs to be translated into modern scientific language. The historical concepts of Moscow Rus' must be withdrawn from itself, and their reflection in modern times is the history of differences, but not a continuity. A discussion problem is a chronological line. R. Kozellek for Europe denotes this line as 1750–1850, but for Russia this line is undoubtedly the era of Peter I (1682–1725). There is an obvious tectonic shift between the Russians in the 16th–17th and in the 18th–19th centuries, the notorious “temporary gap”. At the same time, the history of Russian key concepts is European history, and it begins with the 18th century, with the Petrine cultural westernization, the formation of a new intellectual and social elite, which assimilated Western European culture and more and more thinking in its categories.

Keywords: history of concepts, early Modern Times, Moscow Rus'.

Выход многотомного издания «Основные исторические понятия. Исторический словарь общественно-политического языка в Германии» под редакцией Р. Козеллека, О. Бруннера, В. Конзе¹, по словам И. Ширле, «остается отправной точкой и важнейшим ориентиром в работе ученых во всем мире»². Несомненна его основополагающая роль в формировании такого направления в историографии, как история понятий³, которое считают перспективным подходом для раскрытия смыслов и особенностей перехода Европы к Новому времени⁴.

¹ Geschichtliche Grundbegriffe, Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. O. von Brunner, W. Conze, R. Kosellek: in 8 Bde. Stuttgart, 1972–1997.

² Зарецкий Ю., Левинсон К., Ширле И. Предисловие // Словарь основных исторических понятий. Избр. ст.: в 2 т. Т. 1. М., 2014. С. 12.

³ Hölscher L. The Theory and Method of German “Begriffsgeschichte” and Its Impacts on the Construction of an European Political Lexicon // History of Concepts Newsletter. 2003. No. 6. P. 3–7; Pernau M., Tremblay S. Dealing with an Ocean of Meaninglessness: Reinhart Koselleck's Lava Memories and Conceptual History // Contributions to the History of Concepts. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 7–28.

⁴ Lüdtke A. History of Concepts, New Edition: Suitable for a Better Understanding of Modern Times? // Contributions to the History of Concepts. 2012. Vol. 7, no. 2. P. 111–117.

Наиболее значимым здесь представляется предложенное Р. Козеллеком соотношение «фактического», то есть «свершившегося» в прошлом события/явления/процесса с его рефлексией в языке. По замечанию ученого, «история не происходит без высказываний, но никогда не идентична им, и ее нельзя к ним свести... имеются внеязыковые, долязыковые (и послеязыковые) элементы во всех действиях, которые ведут к истории... которые простираются от повседневности до идентификации объектов политической власти, и их внеязыковую данность трудно отрицать... при обращении к свидетельствам языка происходит разделение: что надлежит определить в прошлом как “языковое”, а что как “фактическое” в событии...»⁵. Именно исторические понятия, по Р. Козеллеку, выступают тем семантическом ключом, который находится на стыке социальной реальности и ее рефлексии в дискурсе. Они одновременно являются продуктом социальной действительности (социального опыта), ее осмыслением/интерпретацией (отраженном в дискурсивной практике) и фактором, который эту реальность формирует. Именно в этой универсальности исторических понятий кроются эвристические возможности данной методики. Как отметил П. Тирген, «именно центральные ключевые понятия духовной и культурной истории... являются теми терминами, которые обеспечивают взаимосвязь различных дисциплин»⁶.

Однако метод имеет и свои ограничения, и они связаны с жесткой привязкой к историко-хронологическим рамкам. Ее отправной точкой является «переломное время» между 1750 и 1850 гг., когда Р. Козеллеком вводится «временной водораздел», граница, «на которой слова, какими они были по происхождению, превращаются в такие слова, какими они явлены нам сегодня»⁷. Но если с «движением вверх» по хронологии от Нового к Новейшему времени у концепции истории понятий все в порядке, то как быть с обратным процессом? Применим ли этот методологический подход к истории Средневековья и раннего Нового времени? Существовали ли тогда понятия (в том смысле, в каком их трактует школа Р. Козеллека)? Их, несомненно, нет в современном смысле, «как они явлены нам сегодня». Но они есть как социальный опыт, как «фактические», «внеязыковые» элементы, которые точно так же интерпретируются и рефлексируются в языке. Другое дело, что семантика этих понятий может быть очень непохожа на позднюю семантику, современные значения, но было бы странно, если бы люди 400–600 лет назад мыслили бы и руководствовались в своих социальных практиках теми же мотивациями, что и современные люди. Мир Средневековья слишком отличен от наших дней.

Тем важнее решить эту научную задачу, поскольку если для изучения понятий XVIII–XX вв. мы имеем успешно развивающиеся *Beriffsgeschichte* Р. Козеллека, *социально-историческую семантику* Р. Райхарда и Э. Шмидта, *кембриджскую школу* Д. Поккока и К. Скиннера или *History of Concepts* М. Рихтера и др., то применительно к Средневековью и XV–XVII вв. используются старые добрые юридические подходы: изучение терминологии в области государства и права, филологические

⁵ Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков: сб. науч. работ. СПб., 2006. С. 38–39, 42.

⁶ Тирген П. История русских понятий: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2015. № 1 (3). С. 64.

⁷ Козеллек Р. Введение (Eunleitung) // Словарь основных исторических понятий. Т. 1. С. 25.

методы в области лексикографии и герменевтики, исследование исторической терминологии классическим историко-критическим методом.

Как пример сложности, порожденной этой разницей подходов, рассмотрим термин «нация». Общепринято положение, что понятие «нация» является продуктом Нового времени, эпохи империй и национальных государств. Его тесно связывают с национализмом, который, как показал Б. Андерсон, начинает свое развитие как следствие угасания таких факторов формирования идентичности, как подданство монарху (упадок династического государства) и конфессиональная принадлежность (преобладание светского над религиозным в жизни социума)⁸. Понятие нации тесно связано с развитием представлений о гражданстве как системе прав и обязанностей гражданина государства, а это, безусловно, Новое время.

Но встает вопрос: а как определять этнические общности Средневековья и раннего Нового времени? Они, бесспорно, отличаются по своей природе от наций Нового времени и представлены в источниках в иных терминах. Но тем не менее у них есть много черт, которые перекликаются с поздним понятием нации: они также являются в значительной степени ментальными конструктами («воображенными сообществами», в формулировке Б. Андерсона), они являются формой идентичности, они строятся на представлениях об общей истории (легенды *origo gentes*), они имеют свои идентитарные исторические мифы. И эти общности также формируются на основе исторического опыта, осмысливания «внезыкового» феномена существования народа (применим этот термин, понимая всю его условность в данном контексте) и, будучи сформулированными, с некоторого момента начинают влиять на социальную жизнь (можно «стать истинным русским», «стать настоящим германцем» и т. д.).

То есть в социальной практике в области этнического в XI–XVII вв. мы тоже можем усмотреть черты понятия, аналогичного современному понятию «нация» (вопрос только, в каких терминах применительно к Средневековью это определять). С. Рейнольдс утверждала, что «средневековые представления о королевствах и народах очень походили на современные представления о нациях»⁹. Как правильно заметил Д. Рис: «Процессы национальной и этнической самоклассификации никогда не прекращаются. Именно по этой причине нам не следует сокращать их историю до рамок, которые соответствуют нашему современному терминологическому удобству»¹⁰. Вопрос о характеристиках и терминологии, прилагаемых к этническим идентичностям в Средневековье и Новое время, то есть к эпохам «до наций», продолжает оставаться дискуссионным, и история понятий здесь ситуации пока не прояснила (соответствующая статья «Нация» в словаре Р. Козеллека, хотя и посвящена в основном Новому времени, делает большие экскурсы в предшествующие исторические периоды)¹¹.

⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 110–136.

⁹ Reynolds S. Medieval Origines Gentium and the Community of the Realm // History. 1983. No. LXVII. P. 375.

¹⁰ Davis R. Nations and National Identities in the Medieval World: An Apologia // Journal of Belgium History. 2004. Vol. 34, no. 4. P. 568.

¹¹ Вернер К., Гиццицер Ф., Козеллек Р., Шёнеман Б. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. Т. 2. С. 322–752.

Применительно к истории России использование методологии истории понятий осложняется еще рядом факторов¹². Р. Козеллек говорит о рубеже, переломе в эволюции понятий в Европе применительно к 1750–1850 гг., и этот рубеж, несомненно, присутствует и в русской истории Нового времени, которая в XVIII–XIX вв. в культурном плане во многом развивалась параллельно Западу (что было тесно связано с вестернизацией российской элиты после реформ Петра I). Но в русской истории радикальная смена социально-политического тезауруса, как отметил В. М. Живов, имела место раньше и связана с преобразованиями Петра (1682–1725)¹³. Она, в свою очередь, была подготовлена русской историей XVI–XVII вв. и особенно развитием русской культуры в XVII в. и влиянием раскола. Но окончательная смена вектора происходит при Петре I, когда был сделан выбор в пользу европейской модели функционирования понятий, и именно с этого момента начинается изучение политического языка и политических понятий применительно к истории России¹⁴. А вот исходный, допетровский период исследован недостаточно. Его изучали филологи, лингвисты, историки культуры¹⁵, историки права (в комментариях к изданиям юридических памятников этого периода). Но подступы специалистов по истории понятий к эпохе носят фрагментарный характер¹⁶.

История понятий во всех ее методологических вариантах применяется в основном к русской истории XVIII–XX вв.¹⁷. В этом плане странным видится выска-

¹² В данном случае мы говорим только об истории понятий применительно к XV–XVII вв. и не касаемся общеметодологических проблем изучения истории понятий в России. О данных сложностях см., например, в статье: Тирген П. История русских понятий... С. 67–72.

¹³ Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 12.

¹⁴ См.: «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. 1, 2. М., 2012; Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. М., 2022.

¹⁵ Библиография огромна, назовем только последние работы: Виноградов В. В. История слов. М., 1999; Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени; Колесов В. В. Мир человека средневековой Руси. М., 2019; Каравашик А. В. Власть и слово в средневековой Руси. Смысловые уровни полемических текстов. М.; СПб., 2021; Щеглов А. П. Представления о природе зла в Древней Руси. СПб., 2023.

¹⁶ Например: Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 54–69; Польской С. В. От «всенонародства» к «публике»: к вопросу о понимании общества в России XVII–XVIII вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. С. 7–12; Кром М. М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 116–117; Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII — первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6. С. 18–53; Кром М. М. Идея суверенитета в политическом дискурсе Московской Руси XV века // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 1 (53). С. 23–36; Лютько Е. И. «Духовное»: К вопросу об истории понятия в XVII–XIX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 200–221.

¹⁷ См. обзоры библиографии в работах: Конюсов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 9–33; Дубина В. С. Из Билефильда в Кембридж и обратно. Пути утверждения. История понятий в России // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 298–319; Тимофеев Д. В.: 1) «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX века // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 123–136; 2) Методология истории понятий в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 116–138.

звание ученых, что до сих пор она больше была востребована в исследованиях допетровской эпохи¹⁸. Существует давняя исследовательская традиция, начиная с В. О. Ключевского, изучения допетровской исторической терминологии¹⁹, лексикографии²⁰, исторической семантики²¹, политической терминологии²². Но эти направления имеют методологические отличия от истории понятий. Согласно *Beriffsgeschichte* Р. Козеллека, понятия есть продукт социального опыта и, в свою очередь, влияют на социальную действительность и формируют ее. Основными направлениями трансформации смыслов после «времени водораздела» являются: демократизация, темпорализация, идеологизация и политизация²³. Далеко не каждый политический или правовой термин XV–XVII вв., изучающийся лингвистами или культурологами, соответствует данным критериям.

Трудности в изучении понятий допетровской эпохи носят объективный характер. Как справедливо замечено, «история русских ключевых понятий есть история европейская»²⁴ и начинается она с XVIII в., с петровской культурной вестернизации, формирования новой интеллектуальной и социальной элиты, усваивавшей западноевропейскую культуру и все больше мыслящую в ее категориях. Методологическая основа изучения этих понятий в современных исследованиях заключается в основном в проекции методологии мировой науки на русский материал. При этом соблюдается принцип, провозглашенный Р. Козеллеком: берется актуальное, сегодня функционирующее историческое понятие и проводится генетический анализ, как оно возникло и стало именно понятием. То есть первое исследовательское движение направлено от современности в прошлое. Как писал Р. Козеллек, темой словаря исторических понятий «является описание современного мира посредством языка, его концептуализация и осознание с помощью тех понятий, которые являются не только понятиями прошлого, но также и нашими... разбирается процесс возникновения современного мира»²⁵.

Применительно к Московской Руси ситуация иная: связь между тем, что мы готовы трактовать как понятия применительно к XVI–XVII вв., и «процессом воз-

¹⁸ Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода // «Понятия о России»... Т. 1. С. 37.

¹⁹ Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. Т. 6. М., 1959. С. 129–275.

²⁰ Ковтун Л. С.: 1) Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963; 2) Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975; Державина Е. И. Сборники статей по исторической лексикологии и лексикографии 1984–2002 гг. // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. № 3. С. 327–336.

²¹ Последние работы: Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994; Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012; Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики. М., 2019; Демин А. С. Историческая семантика средств и форм древнерусской литературы (источниковедческие очерки). М., 2019; См. библиографию: Макарьев И. В. Историческая семантика и изучение политических языков: основные подходы // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. М., 2023. С. 18–28.

²² Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; Kharhordin O. Main Concepts of Russian Politic. Lanham, 2005; Топычканов А. В. История понятий как политологическая дисциплина (к выходу перевода словаря основных исторических понятий) // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 181–191.

²³ Козеллек Р. Введение (Eunleitung). С. 11.

²⁴ Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. «Понятия о России»... С. 40.

²⁵ Козеллек Р. Введение (Eunleitung). С. 25, 32.

никновения современного мира» не очевидна. Вопрос о степени континуитета допетровской Руси и петровских реформ остается дискуссионным²⁶, но в целом между русской культурой в широком смысле XVI–XVII и XVIII–XIX вв. очевиден тектонический сдвиг, пресловутый «временной разрыв». Он проявился наиболее ярко именно в языке, в исторических понятиях и был связан прежде всего с вестернизацией, а в XIX в. — с модернизацией.

То есть мы, в отличие от Козеллека, при анализе понятий XVI–XIX вв. не можем опереться на идею происхождения более позднего мира из более раннего. Россия раннего Нового времени в значительной степени — исчезнувшая Атлантида. Исторические понятия Московской Руси нужно выводить из нее самой, а их рефлексия в Новое время — это история различий, но не континуитета. В этом специфика предполагаемого словаря и сложность его составления. Мы должны выделять понятия и определять их значимость не по последствиям, результатам их функционирования при формировании «современного мира», а через анализ ушедшего и оборванного в развитии в XVII в. мира Московской Руси. Мира, который нельзя назвать полностью изученным и до конца понятым.

Второй сложностью является недекларативный, «молчаливый» характер русской средневековой культуры. Многие вещи понимались интуитивно, не нуждались в письменных многословных объяснениях. Современникам было понятно, а потом эти трактовки умерли вместе с носителями культуры своего времени, а записанными для потомков не оказались. Такая ситуация характерна для культур с канализированным уровнем информационной коммуникации. В Европе коммуникацию создавали университеты, церковная полемика и схоластика как тип диспута и мышления, сочетание универсального языка латыни с национальными языками, что порождало большую переводческую деятельность. Возрождение с его культурным взрывом, «революция Гутенберга» и коммуникативная революция XVI–XVII вв. доверили дело.

На Руси некоторые из этих факторов или их аналоги присутствовали, но в любом случае они были канализированы, то есть касались довольно узких и мало-коммуникативных групп интеллектуальной и частично социальной элит²⁷. Внутри этих групп проблемы понимания не существовало, а в декларации и трансляции этого понимания (как это происходило в Европе начиная с Возрождения и Реформации, и особенно в XVI–XVII вв.) они не слишком нуждались. Социально-политическая практика Руси XVI–XVII вв. почти никогда не сопровождалась письменными объяснениями и толкованиями, исключая абстрактные ссылки «по обычью», «по старине», «в правду» и т. д.

Отсюда сложность семантической интерпретации, она почти всегда оказывается герменевтической конструкцией. От этого очень точно сказал В. В. Виноградов: «Но тут получается своеобразный заколдованный круг. Открытие закономерностей в исторических изменениях форм и типов мышления невозможно без изучения истории языка и, между прочим, истории слов и их значений. История же языка, в свою очередь, как научная дисциплина, немыслима без общей базы истории материальной и духовной культуры и прежде всего без знания истории

²⁶ Богданов А. П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009.

²⁷ Ср.: Filyushkin A. Why Did Muscovy Not Participate in the “Communication Revolution” in the Sixteenth Century? Causes and Effects // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51. P. 339–350.

общественной мысли. В настоящее время частые провалы и блуждания на этом пути неизбежны»²⁸. Мы выводим социальную историю (равно как и историю общественной мысли) из толкования языка, но чтобы его адекватно истолковать, надо знать ту же социальную, культурную и т. д. историю. А наших знаний, причем прежде всего источников этих знаний, для эпохи Московской Руси на сегодняшний день явно недостаточно. Предки, увы, оставили слишком мало необходимых объяснений, поэтому вместо верифицированных аналитических суждений идет борьба интерпретаций, и мы оперируем в основном гипотезами, а не доказанными положениями.

Скудость источников порождает большую опасность гипотетических конструкций исторических понятий: в источниках с трудом можно найти прямые подтверждения наших трактовок. Ситуация для русской истории меняется в XVIII–XIX вв., где мы имеем принципиально иную источниковую базу. Но применительно к допетровской эпохе проблема поиска информации в области изучения истории понятий далека от разрешения.

Третьей проблемой является презентизм. Понятия XIX–XX вв. нередко продолжают функционировать, и даже в случае их выбывания из актуальной дискурсивной практики они понятнее, чем средневековые. Категориально-понятийный аппарат допетровской эпохи в большинстве случаев нуждается в переводе на современный научный язык. Причем буквальный перевод часто ничего не дает. Очень примечательно исследование М. М. Крома, продемонстрировавшее, что применение к государственным преобразованиям Ивана Грозного термина «реформы» является неоправданным презентизмом и смысл, который современники вкладывали в действия царя, не соответствует тем смыслам, которые мы сегодня вкладываем в понятие «реформы»²⁹. Однако ситуация оказывается в методологическом плане тупиковой, потому что неясно, чем в данном случае заменить термин «реформы». М. М. Кром справедливо указывает, что сфера деятельности, связанная с войнами и дипломатией, современниками называлась «дело государево», а с внутренней деятельностью властей — «дело земское». Это верно, но что изменится, если вместо названия книги «Реформы Ивана Грозного»³⁰ на обложке будет стоять «Дело земское Ивана Грозного»? Напротив, возникнут новые искаженные смыслы...

Перед нами давняя проблема, которую в свое время обозначил еще М. Фуко: для перевода языка источника на язык науки мы неизбежно обращаемся к современным понятиям, но при их употреблении мы «вчитываем» в источник чуждый ему смысл, порождаемый самой семантикой понятия³¹. Решение этой проблемы пока не найдено. Применение актуальных понятий необходимо для современного научного языка, но при этом мы неизбежно не только реконструируем, воссоздаем картину прошлого, но и конструируем ее, «подгоняем» под современную нам семантику. Чем более «иной» является изучаемая культура, чем больше для ее декодирования нужно обращаться к современным понятиям, тем больше создается

²⁸ Виноградов В. В. История слов. С. 6.

²⁹ Krom M. Les réformes russes du XVIe siècle: un mythe historiographique? // Annales. Histoire, Sciences Sociales, 64e année, no. 3 (mai/juin 2009). P. 561–578; Кром М. К пониманию московской «политики» XVI в.: Дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 283–303.

³⁰ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

³¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 30.

конструкт, более соответствующий нашим запросам, чем исторической истине, воссозданной картине реального прошлого. Это то, что Х. Уайт в своем научном завещании назвал «практическим прошлым», востребованным потомками в соответствии с культурными, этическими и идеологическими запросами³². Но если мы во главу угла ставим данное «практическое прошлое», происходит нарушение заветов другого классика исторической мысли, Л. фон Ранке, его максимы «историк должен воссоздавать историю, как она была на самом деле»³³.

Если перед потенциальным исследователем понятий и категорий XV–XVII вв. встает столько серьезных и трудноразрешимых проблем, то возможно ли их изучать? Можно ли их назвать историческими понятиями, соответствующими критериям *Beriffsgeschichte*? И главное — можно ли, как в случае с *Beriffsgeschichte*, через их изучение раскрыть сущность социально-политических процессов развития Московской Руси, выделить «переломное время» и «временные водоразделы»?

Что касается трудностей изучения, то работа по составлению словаря русских исторических понятий допетровской эпохи должна строится несколько иначе, чем проекты Р. Козеллека и его последователей. У нас затруднено сравнение эпох, но при этом некоторое зеркало и материал для сопоставления у нас все-таки есть, и это — историко-культурный контекст, влияние соседних культур, о которых мы часто знаем больше, чем о культуре Московской Руси. Именно эта трансформация культурных заимствований поможет решать вторую проблему — «молчаливый характер» и «недекларативность» культуры Московской Руси. Она отнюдь не была автохтонной и невосприимчивой к внешним воздействиям, напротив — следов этих воздействий больше, чем кажется. В работе 2006 г. мы предложили гипотезу, что ключевыми категориями политической культуры средневековой Руси в сфере, которую мы сегодня называем внешней политикой, были категории христианской этики (любовь, дружба/недружба, братство и т.д.), наполненные «политической» семантикой³⁴.

Однако аналогичные категории (в частности, дружба) составляли основу западноевропейского политического лексикона³⁵. Вопрос о возможных путях влияния и заимствования (или синхростадиального возникновения в условиях одинаковой христианской этики) остается открытым, но этот пример показывает, что невозможно говорить об изолированности или автохтонности русских средневековых понятий. А раз есть возможность сравнения — появляются перспективы верифицированной трактовки, адекватной оценки и понимания. То есть горизонт предстоящей ученым аналитической работы — прежде всего горизонтальный, а не вертикальный, как у Козеллека.

³² Уайт Х. Практическое прошлое. М., 2024. С. 31–35, 47.

³³ Цит. по: Ранке Л. Великие державы. М., 2024. С. 21.

³⁴ Филиушкин А. И.: 1) Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С.223–239; 2) Московская неональная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2 История. 2009. Вып. 2. С. 5–20.

³⁵ Epp V. Amicitia: Zur Geschichte personaler, sozialer, politischer und geistlicher Beziehungen im fruhen Mittelalter. Stuttgart, 1999; Althoff G. Friendship and Political Order // Friendship in Medieval Europe / ed. by J. Haseldine. Stroud, 1999. P.91–100; Haseldine J. Friendship Networks in Medieval Europe: New Models of a Political Relationship // Amity: The Journal of Friendship Studies. 2018. Vol. 1, no. 1. P.69–88.

Правда, здесь необходимо делать поправку на особенность, которую Б. А. Успенский выделил при изучении влияния на Русь Византии: «...попадая на русскую почву, эти модели, как правило, получают совсем другое наполнение, и в результате образуется нечто существенно новое, — непохожее ни на заимствованную культуру (т. е. культуру страны-ориентира), ни на культуру реципиента»³⁶. Русь мало что заимствовала цитатно, буквально. Она это переосмыслила, и потом происходила рецепция не первоисточника, а сконструированного, воображаемого образа, уже адаптированного под собственный культурный заказ.

Например, многое говорится о влиянии на русскую политическую культуру (и, следовательно, на принятые в ней понятия) уже упомянутой Византии. Но на практике император и Византийская империя оставались внешней силой, находящейся за пределами Руси как мира, причем чем более сформированным становился этот мир, тем более чуждой оказывалась далекая империя. Зато внутри этого Русского мира (во многом под влиянием византийского мировоззрения, усваиваемого через книги образа православной империи как мира) постепенно конструировалась «своя Византия», виртуальный образ, который очень избирательно соотносился с реальной Византией, но оказался востребован в конце XV — XVI в., когда зазвучали слова «Третий Рим» и русский царь был венчан шапкой византийского императора Мономаха. Но это был континуитет не с реальной политической культурой средневековой Византии, а со сконструированным в русской культуре образом этой Византии, с «Византией после Византии»³⁷. С. С. Аверинцев подчеркивал: «Важно... что подъем Москвы так точно совпал хронологически с падением Константинополя... после татарского завоевания, а в особенности после освобождения при Иоанне III и победоносных походов Иоанна IV на татар, после завоевания Казанского и Астраханского ханств Русь все более становится ареалом евразийским — на иной лад, но не меньше, чем Византия. Она тоже сама себе мир»³⁸.

Применительно к западным понятиям, проникавшим в русскую политическую культуру через контакты прежде всего с Польшей и отдельными областями Священной Римской империи (прежде всего Италией и городами Ганзейского союза, а также Пруссии и Ливонией), думается, механизм был похож. Русские не копировали польскую элекцию короля как институт (хотя Иван Грозный в 1572–1576 гг. в ней даже участвовал), но, несомненно, при избрании и Бориса Годунова (1598) и Михаила Федоровича (1613) кое-что из практики элекции было прочитано, осмыслено и учтено.

Почему изучение русских исторических понятий надо начинать с допетровской эпохи? Мотивом, побуждающим обратиться к XV–XVI вв. как к отправной точке складывания отечественных понятий, является частичное соответствие тем принципам, которые Р. Козелек и его последователи полагают в основе своего методологического подхода. Как отметил В. В. Колесов, «первые обобщенные образы даны нам в XVI в. как перечень слов и действий, которые обязан исполнять человек

³⁶ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: мат-лы междунар. конф. Неаполь, май 1997 / сост. Б. А. Успенский. М.; Венеция, 1999. С. 6–7.

³⁷ Византия после Византии? Форум / Д. М. Буланин, М. В. Дмитриев, О. И. Дзярнович и др. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 1. С. 3–35.

³⁸ Аверинцев С. С. Византия и Русь: Два типа духовности. Статья первая: Наследие священной державы // Аверинцев С. С. Другой Рим: Избр. ст. СПб., 2005. С. 332.

в силу своего положения, чина и звания»³⁹. Здесь сходится много факторов — и кодификация законодательства (судебники), и создание первых обобщающих сочинений, рисующих идеальные социальные типы (Домострой), и составление лексиконов, объясняющих значение слов (Азбуковники), и активная переводческая деятельность, которая ставила проблему соотношения значений слов и терминов (Максим Грек). Это первые дискуссии о соотношении Священства и Царства, царской миссии, сущности отношений царя и подданных (которые опять-таки обострятся в Смуту). Это проверка вырабатываемых понятий на устойчивость к социальным испытаниям (опричнине, Смуте и т. д.).

Это также процесс становления самосознания сословий (прежде всего дворянства), который, как показано Б. Н. Флореем, постепенно набирал обороты во второй половине XVI в. и стал серьезным фактором социальных процессов в Смуту⁴⁰. Дж. Хоскинг говорит о формировании по крайней мере с XVI в. принципа русской истории, который проявляется на протяжении всего имперского периода. «С этого момента установилась отчетливая поляризация между государством и местной общиной, или, говоря языком того времени, между государством и землей... Государство функционировало посредством безличной власти, бюрократии, приказа и иерархии; местная община — посредством личной власти, совместной ответственности, совещательности и межличностных контактов»⁴¹. Это функционирование отражается в том числе в формировании исторических понятий.

Самое главное, что в вышеуказанных процессах возникают категории и термины, социальные определения, которые отвечают главному признаку исторических понятий, по Р. Козеллеку: с одной стороны, они являются продуктом предшествующего развития, осмыслиения социальной реальности, с другой — начинают влиять на эту реальность и формировать ее. Первые признаки этого процесса фиксируются как раз в XVI столетии, и он активно развивается весь XVII в., на излете которого русский социум делает крутой исторический поворот, что отражается в изменении языка и номенклатуры понятий в петровское время.

Этот феномен прекрасно показан в монографии Р. Вульпиус, и она использует в качестве методологии именно историю понятий. На примере понятия «подданство» она показывает, каким способом происходило становление Российской империи — «терминологически единого союза подданных»⁴². Но чтобы понять эволюцию и сущность «подданства», надо проследить эволюцию представлений о нем с XV по XVIII в., и даже начало XIX в. Понятие «российское подданство», употребляемое в официальных документах с 1722 г., или «подданство Империи всероссийской» (с 1802 г.), в семантическом плане восходит к термину «поддан-

³⁹ Колесов В. В. Мир человека средневековой Руси. С. 634.

⁴⁰ Флориа Б. Н.: 1) Русское общество и Смутное Время // Исторические записки. 2003. № 6 (124). С. 17–38; 2) Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 5–12; 3) Служебная организация и ее традиции в историческом развитии России // Труды Исторического факультета МГУ. Сер. 2: Исторические исследования. Вып. 235 (163): Города и люди старой России: к юбилею профессора Н. В. Козловой: сб. науч. ст. / отв. ред.: Л. С. Белоусов. М., 2023. С. 297–366.

⁴¹ Хоскинг Дж. Может ли Россия стать национальным государством? // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 34–35.

⁴² Вульпиус Р. Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке. М., 2023. С. 115.

ство», который был в дипломатической практике впервые применен в переговорах с грузинскими князьями в 1588 г. и с государством Алтын-ханов в 1637 г.⁴³ Во внутренней сфере подданством постепенно было вытеснено предыдущее обращение в разговоре низших с высшими («аз твой холоп»), которое в диалоге с царем применялось и низшими, и служилыми сословиями, и аристократами.

Именно распространение понятия «подданство» при Петре знаменовало собой построение Российской империи, в которой все ее жители объединены в социальную категорию, которая выражает уже не отношение к персоне монарха, а принадлежность к имперскому миру, что, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на особенности политической культуры строящейся империи. И именно этот переход, изменение понятия и его значения позволяют раскрыть сущность перемен в русской культуре при ее эволюции от Царства к Империи. Представляется, что пример трудов Р. Вульпиус демонстрирует перспективы, которые открываются при применении метода истории понятий к истории России при переходе от раннего Нового к Новому времени.

References

- Althoff G. Friendship and Political Order. *Friendship in Medieval Europe*. Ed. by J. Haseldine. Stroud, Gloucestershire, Sutton Publ., 1999, pp. 91–100.
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranenii nacionalizma*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2001, 288 p. (In Russian)
- Averincev S. S. Vizantia i Rus': Dva tipa duhovnosti. Stat'ia pervaia. Nasledie sviazhchennoi derzhavy. In: Averincev S. S. *Drugoi Rim: Izbrannye stat'i*. St. Petersburg, TID Amfora Publ., 2005, pp. 315–337. (In Russian)
- Bogdanov A. P. *Nesostoiavshiisia imperator Fedor Alekseevich*. Moscow, Veche Publ., 2009, 305 p. (In Russian)
- Bulanin D. M., Dmitriev M. V., Dziarnovich O. I., Korenevskii A. V., Kostromin K. A., Kushch K. V., Martin R., Polyvianyi D. I., Shukurov R. M. Vizantia posle Vizantii? Forum. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2022, no. 1, pp. 3–35. (In Russian)
- Davis R. Nations and National Identities in the Medieval World: An Apologia. *Journal of Belgium History*, 2004, vol. 34, no. 4, pp. 567–579.
- Demin A. S. *Istoricheskaiia semantika sredstv i form drevnerusskoi literatury (istochnikovedcheskie ocherki)*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2019, 496 p. (In Russian)
- Derzhavina E. I. Sborniki statei po istoricheskoi leksikologii i leksikografii 1984–2002 gg. *Slavianskaia istoricheskaiia leksikologiya i leksikografija*, 2020, no. 3, pp. 327–336. (In Russian)
- Dubina V. S. Iz Bilefil'da v Kembridzh i obratno. Puti utverzhdeniya. Iстория понятий в России. *Istoriia poniatii, istoriia diskursa, istoriia metafor*. Ed. by Kh. E. Bedeker. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 298–319. (In Russian)
- Epp V. *Amicitia: Zur Geschichte personaler, sozialer, politischer und geistlicher Beziehungen im fruhen Mittelalter*. Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1999, 362 S.
- Evoliutsiia poniatii v svete istorii russkoi kul'tury. Eds V. M. Zhivov, Iu. V. Kagarlitskii. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012, 324 p. (In Russian)
- Filyushkin A. I. Moskovskaia neonatal'naia imperiia: k voprosu o kategoriakh politicheskoi praktiki. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 2. Iстория*, 2009, vol. 2, pp. 5–20. (In Russian)
- Filyushkin A. I. *Tituly russkikh gosudarei*. Moscow, St. Peterburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2006. 254 p. (In Russian)
- Filyushkin A. Why Did Muscovy Not Participate in the “Communication Revolution” in the Sixteenth Century? Causes and Effects. *Canadian-American Slavic Studies*, 2017, vol. 51, pp. 339–350.

⁴³ Там же. С. 105–106.

- Floria B. N. Dva puti formirovaniia obshchegosudarstvennoi politicheskoi elity (na materiale, otnosiashchemsia k istorii Pol'shi XIV v. i Russkogo gosudarstva XV–XVI vv.). *Drevniaia Rus'*. Voprosy medievistiki, 2011, no. 4, pp. 5–12. (In Russian)
- Floria B. N. Russkoe obshchestvo i Smutnoe Vremia. *Istoricheskie zapiski*, 2003, no. 6, pp. 17–38. (In Russian)
- Floria B. N. Sluzhebnaia organizatsiia i ee traditsii v istoricheskem razvitiis Rossii. *Goroda i liudi staroi Rossii. K iubileiu professora N. V. Kozlovoi. Sbornik nauchnykh statei*. Moscow, Lomonosov Moscow University Press, 2023, pp. 297–366. (In Russian)
- Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, A-cad, AOZT “Talisman” Publ., 1994, 405 p. (In Russian)
- Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Kosellek. Bde 1–8, Stuttgart, E. Klett Publ., 1972–1997.
- Haseldine J. Friendship Networks in Medieval Europe: New Models of a Political Relationship. *Amity: The Journal of Friendship Studies*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 69–88.
- Hölscher L. The Theory and Method of German “Begriffsgeschichte” and Its Impacts on the Construction of an European Political Lexicon. *History of Concepts Newsletter*, 2003, no. 6, pp. 3–7.
- Il'in M. V. *Slova i smysly. Opty opisaniia kliuchevykh politicheskikh poniati*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 430 p. (In Russian)
- Karavashkin A. V. *Vlast' i slovo v srednevekovoi Rusi. Smyslovye urovni polemicheskikh tekstov*. Moscow; St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2021, 382 p. (In Russian)
- Kharhordin O. *Main Concepts of Russian Politic*. Lanham, University Press of America, 2005, 183 p.
- Khosking Dzh. Mozhet li Rossia stat' natsional'nym gosudarstvom? *Ab Imperio*, 2000, no. 1, pp. 34–35. (In Russian)
- Kiselev M. A. Forma pravleniia i sotsial'naia ierarkhia v rossiiskoi politicheskoi mysli XVII — pervoi chetyerti XVIII veka. *Istoricheskii vestnik*, 2013, vol. 6, pp. 18–53. (In Russian)
- Kliuchevskii V. O. Terminologiya russkoi istorii. *Kliuchevskii V. O. Sochinenia*. In 8 vols. Vol. 6. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959, pp. 129–275. (In Russian)
- Kolesov V. V. *Mir cheloveka Srednevekovoi Rusi*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019, 659 p. (In Russian)
- Koposov N. E. Istoriiia poniatiia vchera i segodnia. *Istoricheskie poniatiia i politicheskie idei v Rossii XVI–XX vekov*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2006, pp. 9–33. (In Russian)
- Kovtun L. S. *Leksikografija v Moskovskoi Rusi XVI — nachala XVII v.* Leningrad, Nauka Publ., 1975, 351 p. (In Russian)
- Kovtun L. S. *Russkaia leksikografija epokhi Srednevekov'ia*. Moscow; Leningrad, Akademiiia nauk SSSR Press, 1963, 445 p. (In Russian)
- Kozellek R. Sotsial'naia istoriia i istoriia poniatiia. *Istoricheskie poniatiia i politicheskie idei v Rossii XVI–XX vekov*. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press; Aleteiia Publ., 2006, pp. 33–53. (In Russian)
- Kozellek R. Vvedenie (Einführung). *Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniati*. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 23–44. (In Russian)
- Krom M. M. Ideia suverenteta v politicheskem diskurse Moskovskoi Rusi XV veka. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Istoryia*, 2020, no. 1, pp. 23–36. (In Russian)
- Krom M. M. Ispol'zovanie poniatiia v issledovaniakh po istorii dopetrovskoi Rusi: smena vekh i novye orientiry. *Kak my pishem istoriui?* Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 116–117. (In Russian)
- Krom M. K ponimaniu moskovskoi “politiki” XVI v.: Diskurs i praktika rossiiskoi pozdnesrednevekovoi monarkhii. *Odissei. Chelovek v istorii*, 2005, pp. 283–303. (In Russian)
- Krom M. Les réformes russes du XVIe siècle: un mythe historiographique? *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 2009, no. 3, pp. 561–578.
- Krom M. M. Rozhdenie “gosudarstva”: iz istorii moskovskogo politicheskogo diskursa XVI veka *Istoricheskie poniatiia i politicheskie idei v Rossii XVI–XX vekov*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2006, pp. 54–69. (In Russian)
- Laboratoriia poniatiij: Perevod I iazyki politiki v Rossii XVIII veka*. Eds S. V. Pol'skoy, V. S. Rzheutskiy. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 576 p. (In Russian)

- Liut'ko E. I. "Dukhovnoe": K voprosu ob istorii poniatii v XVII–XIX vv. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2021, no. 4, pp. 200–221. (In Russian)
- Lüdtke A. History of Concepts, New Edition: Suitable for a Better Understanding of Modern Times? *Contributions to the History of Concepts*, 2012, vol. 7, no. 2, pp. 111–117.
- Makar'ev I. V. Istoricheskaiia semantika i izuchenie politicheskikh iazykov: osnovnye podkhody. *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdisciplinarnogo sinteza*. Moscow, Prometei Publ., 2023, pp. 18–28. (In Russian)
- Miller A. I., Sdvizhkov D. A., Shirle I. "Poniatia o Rossii": k istoricheskoi semantike imperskogo perioda. "Poniatia o Rossii". *K istoricheskoi semantike imperskogo perioda*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 5–46. (In Russian)
- Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo iazyka rannego Novogo vremeni. Ed. V. M. Zhivov. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009, 430 p. (In Russian)
- Pernau M., Tremblay S. Dealing with an Ocean of Meaninglessness: Reinhart Koselleck's Lava Memories and Conceptual History. *Contributions to the History of Concepts*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 7–28.
- Pol'skoi S. V. Ot "vsenarodstva" k "publike": k voprosu o ponimanii obshchestva v Rossii XVII–XVIII vv. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk*, 2011, no. 3, pp. 7–12. (In Russian)
- Poniatia, idei, konstruktii. *Ocherki sravnitel'noi istoricheskoi semantiki*. Eds D. Kalugin, B. Maslov, Iu. V. Kagarlitskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, 448 p. (In Russian)
- Ranke L. *Velikie derzhavy*. Moscow, Praksis Publ., 2024, 223 p. (In Russian)
- Reynolds S. Medieval Origines Gentium and the Community of the Realm. *History*, 1983, no. 67, pp. 375–390.
- Shcheglov A. P. *Predstavleniia o prirode zla v Drevnei Rusi*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2023, 512 p. (In Russian)
- Timofeev D. V. "Istoriia poniatii" kak teoretiko-metodologicheskaiia osnova issledovaniia po istorii rossiiskoi modernizatsii pervoi chetverti XIX veka. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 4, pp. 123–136. (In Russian)
- Timofeev D. V. Metodologiiia istorii poniatii v kontekste istorii dorevoliutsionnoi Rossii: perspektivy i prinsipy primeneniia. *Dialog so vremenem*, 2015, no. 50, pp. 116–138. (In Russian)
- Tirgen P. Istoriia russkikh poniatii: k postanovke problem. *Imagologija i komparativistika*, 2015, no. 1 (3), pp. 61–80. (In Russian)
- Topychkanov A. V. Istoriia poniatii kak politologicheskaiia distsiplina (k vykhodu perevoda slovaria osnovnykh istoricheskikh poniatii). *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2016, no. 3, pp. 181–191. (In Russian)
- Uspenskii B. A. Russkaia intelligentsiia kak spetsificheskii fenomen russkoi kul'tury. *Russkaia intelligentsiia i zapadnyi intellektualizm: istoriia i tipologija. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Napoli, May 1997. Moscow; Venice, O. G. I. Publ., 1999, pp. 6–19. (In Russian)
- Verner K., Gshchnitser F., Kozellek R., Sheneman B. Narod, natsii, natsionalizm, massa. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii. Izbrannye stat'i*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 322–752. (In Russian)
- Vinogradov V. V. *Istoriia slov*. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Press, 1999, 1138 p. (In Russian)
- Vul'pius R. *Rozhdenie Rossiiskoi imperii. Kontseptsi i praktiki politicheskogo gospodstva v XVIII veke*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, 712 p. (In Russian)
- White H. *Prakticheskoe proshloe*. Moscow, Novoe literaturnoe obzrenie Publ., 2024, 194 p. (In Russian)
- Zaretskii Iu., Levinson K., Shirle I. *Predislovie. Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii. Izbrannye stat'i v 2-kh tomakh*. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 5–22. (In Russian)
- Zhivov V. M. *Sviatost'. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov*. Moscow, Gnozis Publ., 1994, 110 p. (In Russian)
- Zimin A. A. *Reformy Ivana Groznogo*. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960, 511 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 2 июля 2024 г.

Рекомендована к печати 10 января 2025 г.

Received: July 2, 2024

Accepted: January 10, 2025